

JEWISH LANGUAGES

Валентина Владимировна Федченко,
Санкт-Петербургский государственный университет,
ilmen2005@yahoo.com

КОНСТРУКЦИЯ *TON* + *INF* В ИДИШЕ. СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА¹

Резюме: Аналитические конструкции с глаголом «делать» являются весьма распространенными в различных языках мира. Изучение данных грамматикализационных процессов в идише может быть интересно, поскольку в языке наблюдается несколько перифрастических конструкций с глаголом «делать», которые формируются на разных стадиях развития языка. В статье рассматривается диахроническое развитие конструкции *ton* + *INF*, анализируется ее грамматическое значение и контекст употребления. Часть данных сопоставляется с известными случаями грамматикализации глагола «делать» в германских языках и диалектах.

Ключевые слова: Морфология идиша, грамматическая семантика, прагматика, грамматикализация, конструкции с глаголом «делать», ранний идиш.

Valentina Fedchenko,
St. Petersburg State University

CONSTRUCTION *TON* + *INF* IN YIDDISH. SEMANTICS AND PRAGMATICS

Abstract: Periphrastic “do”-constructions is a quite widespread phenomenon in the languages of the world. Yiddish presents an interesting linguistic material in this field. A diachronic development of the construction *ton* + *INF* is studied in the present paper. It is analyzed as a tense and aspect marker in its grammatical seman-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 15-18-00062, в Санкт-Петербургском государственном университете.

tics and pragmatic use. A number of data is compared with similar cases in Germanic languages and dialects.

Keywords: Yiddish morphology, grammatical semantics, pragmatics, grammaticalization, do-constructions, Old Yiddish.

В глагольной системе идиша аспектуальные формы существенно превышают по количеству временные. Образование довольно обширного списка видовых форм и значений в идише часто связывают с контактным влиянием, чаще всего славянских языков. Принято считать, что для языков с высоким контактным влиянием характерна аспектуальная доминанта, а не временная. Однако контактная природа — это, очевидным образом, не единственный источник или причина увеличения количества аспектных маркеров в идише. Слабые и поздние нормализующие тенденции и высокая диалектная вариативность также могли сказаться на характере видо-временной системы идиша: редукции временных форм и росте видовых показателей². В таком контексте хотелось бы поговорить об одной из форм с аспектной семантикой в идише — о перифрастических конструкциях с глаголом «делать» + инфинитив.

Такого рода конструкции являются очень распространенными в разных языках мира. Глагол «делать» подвергается грамматикализации часто и разными значениями (см., например, Резникова 2003). Идиш содержит интересный и, может быть, не столь типологически банальный материал по этой теме. В идише глагол *ton* грамматикализуется в двух основных конструкциях с разными аспектуальными значениями:

(1) *семельфактив ton + INDF + STEM*
ix tu a kuk
‘я смотрю’ (букв. ‘я бросаю взгляд’);

(2) *ton + INF*, которая и является объектом исследования данной статьи.
dilevone tutshajnen
‘луна светит’

Рассматриваемые конструкции сформировались в идише в разное время: судя по предварительным наблюдениям, вторая форма оказывается более ранней.

Статья будет состоять из двух частей: 1. Во-первых, я бы хотела обсудить грамматическое значение конструкции, начав с описания, пред-

²Ср. с наблюдением П. Традгилла и К. Чамберса на материале английского языка: «ряд ненормированных диалектов обладает гораздо более широким набором аспектуальных различий, чем нормативный /нормализованный идиом» (Trudgill, Chambers 1991).

лагаемого в грамматиках идиша, и предложив свои собственные дополнения к этой теме, и остановиться на возможном диахроническом развитии семантики рассматриваемой конструкции. 2. И во-вторых, обсудить, как интерпретация языкового материала повлияла на изменение частотности в употреблении конструкции, что позволит уточнить общий процесс эволюции формы.

Глагол «делать», тот его вариант, который дает в идише *ton*, грамматикализуется в германских языках уже на относительно ранней стадии их развития и участвует в конструкциях с широким спектром значений. Среди грамматик идиша конструкции *ton* + INF включают в себя только наиболее объемные сочинения и помещают эти формы в раздел, посвященный аспектуальным формам глагола. С. Бирнбаум именует эту форму *хабитуалисом* в настоящем (“habitual aspect”) и противопоставляет ее *хабитуалису* в прошедшем, образуемому с помощью вспомогательного глагола *flegn*. Согласно грамматике С. Бирнбаума, данная конструкция имеет только формы настоящего времени. Он описывает семантику данной конструкции следующим образом: “The habitual denotes habit, natural activity, occupation etc. more emphatically than the simple verb”. В сноске исследователь также отмечает, что данная конструкция не соотносится с ее английским напрашивающимся аналогом, глаголом *do* + INF (Birnbbaum, : 272).

Грамматика Й. Марка, для которой в целом свойственна ярко выраженная тенденция к нормализации идиша, определяет рассматриваемую конструкцию как “*der aspekt fun bashtendikayt*”, то есть видовую форму, указывающую на регулярность совершения действия или на его непрерывность. В отличие от С. Бирнбаума Й. Марк (Mark 2978) приводит много примеров с данной конструкцией в разных временах (настоящем, перфекте и простом будущем), а также в императиве, таким образом существенно расширяя сферу употребления формы. Его примеры, к сожалению, очень лаконичны. Лишенные контекста и не содержащие даже минимальных лексических маркеров, они не позволяют судить о семантических оттенках употребления конструкции.

Таким образом, сведения, содержащиеся в грамматиках идиша по данной теме, весьма скудны, и существует необходимость уточнения ее грамматического значения. Данное уточнение было произведено в корпусе текстов на идише, в который вошли:

- 1) фрагменты ранних поэтических и прозаических текстов XIV–XVII вв.,
- 2) два издания Цеено-Уреено (переложения Священного писания на идиш) XVII и конца XIX вв.,
- 3) фрагменты из классической литературы на идише XIX в. (Менделе Мойхер-Сфорим (M), Шолом-Алейхем (Sh)),
- 4) литература XX в. (Дер Нистер (N) и И. Башевис-Зингер (B)),

- 5) подборка фольклорных текстов,
- 6) примеры из хасидского идиша с Интернет-форума “Kave-shtibl” (KSh),
- 7) наблюдения за речью носителей.

К сожалению, мною еще не было осуществлено целенаправленное анкетирование носителей, которое, несомненно, добавит информации данной работе. Такого рода корпус текстов позволяет не только изучить собственно грамматическую семантику конструкции, но и сделать некоторые выводы о ее диахроническом развитии, уловить прагматические особенности употребления конструкции и закрепившиеся за ней языковые идеологии.

Сразу обращает на себя внимание тот факт, что в ранних текстах на идише вариативность форм и частотность их употребления оказывается намного выше, чем в текстах XIX-XX вв. В ранней литературе встречаются формы настоящего времени, перфекта и сослагательного наклонения. Во многих случаях оказывается невозможным вывести какое-либо аспектуальное значение у конструкции и напрашивается вывод о том, что глагол *ton* в раннем идише использовался как семантически пустой носитель грамматических показателей (*unstressed tense carrier*) без выраженной аспектной, временной или модальной семантики, принимающий на себя все возможные грамматические показатели и позволяющий не изменять смысловой глагол. Подобную картину мы наблюдаем также и в некоторых германских языках. Такие формы хорошо документированы в немецком и нидерландском (Cornips 1998), в первую очередь, в региональных диалектах, разговорной и детской речи. Этот вариант использования грамматика лизованного *do/doen/tun* в немецком языке фиксируется уже на ранней стадии его развития в средневерхненемецкий период (Weiss 1956). Следовательно, идиш в данном случае наследует конструкцию от немецкого языка в ее основной функции. Срав. примеры:

(3) нем. (разг.) *tust Du gerade fernsehen?* (Kortmann 2004: 260)
'ты как раз смотришь телевизор?'

(4) ндл. (диалект Херлена) *zij doet werken* (Cornips 1998)
'она работает'

С примером из раннего идиша:

(5) *Zayn dumes harts ikh do betsvang*
*Dos erimokhtetrenen*³ (Midrash Vayousha, 37, Frakes 2008: 737)
'Я вынуждаю его глупое сердце, чтобы он бежал за ней'.

³ Для примеров на раннем идише (алт-идиш) используется стандартная транскрипция ИВО или при цитировании по изданию [Birnbau 1979] транскрипция, принятая там.

В примере (5) данная стратегия очевидным образом используется для образования форм сослагательного наклонения, что позволяет избежать относительно сложной грамматической формы и чередования корневого гласного в корне глагола. При этом из контекста особое аспектуальное или темпоральное значение не выводится. Подобная тенденция фиксируется и в немецких диалектах, срав.:

(6) бав. нем. I daad mi schamma.
'Я бы стыдился',

(7) нем. разг. Ich tätgernewissen,...
'Я бы хотел знать...'

Поскольку многие из дошедших текстов на раннем идише являются поэтическими произведениями, кажется логичным увидеть еще одну причину использования в них глагола *ton* в качестве пустого носителя грамматических показателей. Конструкции с *ton* оказываются полезны для соблюдения метрического рисунка стиха и для создания рифмы. Глагольные инфинитивы прекрасно рифмуются. Разнообразие рифмовки можно наблюдать в следующих примерах:

(9) Dertsu namen izt hadasa. Dos(h) izt alz vi ayn salbin blat tut zi shmekn.
Far keyn anderin mentshin tut zi ir gizikht oyf dekin
(Пуримшпиль 1698, 151–152 по: Frakes 2008: 779).
'К тому же ее имя Хадасса. Она словно ношает один и тот же лист.
Ни для кого другого она не открывает лица'.

(10) Vi müügyn mir al céit koodyś-borxu loobyn-borxuloobyn,
Das er unz mit der ekeedy hoot toon bygoobyn
(Жертвоприношение Исаака, конец XVI в. по: Birnbaum 1979: 157).
'Как мы охотно восхваляем всё время Создателя
за то, что Он даровал нам жертвоприношение Ицхака'.

В языке XIX–XX вв. из-за общей редукции грамматической системы и образования новых аналитических способов выражения видо-временных и модальных значений необходимость в употреблении данной конструкции сходит на нет. Однако в некоторых случаях в хасидском идише можно интерпретировать функцию формы как пустого носителя грамматических показателей при громоздких заимствованных глаголах, малоупотребительных лексемах, принадлежащих к высокому стилю, например:

(11) Mayn avatar tut simbolizim di geyeg nokh oyserveltlekher inteligents (KSh)
'Мой аватар символизирует погоню за сверхъестественным умом'.

Отметим здесь же общий ироничный характер приведенного примера (8), который также мог повлиять на выбор конкретного грамматического выражения.

Уже на ранней стадии у исследуемой конструкция формируется аспектуальная семантика хабитуалиса. В примерах (12)–(13) помимо формальной причины употребления конструкции (она стоит на рифме) появляется очевидная семантика хабитуалиса в настоящем, подкрепленная контекстными показателями:

(12) Ershtlikh ali zibn togin tuni zey shabes makhin
Un tunin uns oys shpetn un` oys lakhin
(Пуримшиль 1698: 323–324, по Frakes 2008: 783).
'Во-первых, каждый седьмой день они празднуют субботу
и насмеваются, и высмеивают нас'.

(13) Oykh ven inen glaykh der kinig tut ayn arbeyt on bitn,
Zogn zey mir muzin unzrin shabes hitn.
Ober an zuntag tuin zey oyf shteyn
Un oyf den mark geyn
(Пуримшиль 1698: 336–339, по Frakes 2008:787).

У выражения с хабитуальной семантикой есть также параллели в других германских языках: в немецком, в диалекте Херлена (нидерландский).

Во всех рассмотренных примерах из ранних текстов на идише конструкция *ton* + INF употребляется только в настоящем времени индикативе или конъюнктиве. По всей видимости, несмотря на контрпримеры из грамматики Й. Марка, использование ее в других временах представляет собой лишь отдельные случаи. Об этом свидетельствует и довольно раннее формирование «конкурентной» конструкций *flegn* + INF со значением хабитуалиса в прошлом.

С точки зрения диахронии семантика хабитуалиса в настоящем оказывается самой стойкой, хотя частотность употребления выражения в данном значении постепенно сокращается. В классической литературе XIX в. использование конструкции, в целом, сходит на нет по идеологическим причинам (см. об этом далее), однако стиль модернистской литературы XX в. вновь возвращает ее в употребление с разнообразными семантическими оттенками. В частности, в романе Дер Нистера «Семья Машбер» встречаются следующие примеры хабиалиса в настоящем:

(14) S' shtelt zikh der tog mit an alt-ayngefundevetn shteyger: mit geshtelte samovarn, mit eyntsuehyste oyvns, mit roykh, vos eyn hoyf tut oplozn dem andern un im bashmekn... (N)

‘День начинается на старый хорошо известный манер: ставятся самовары, разжигаются печи, один двор пускает дымом на другой и наполняет его запахом гари...’

В следующем примере из «Семьи Машбер» мы также можем выделить хабитуальную семантику, которую подчеркивает лексический маркер «всегда», однако данная семантика сочетается с близкой к ней значением интенсивного, исчерпывающего действия, которое подчеркивается, соответственно, указанием «навязчиво».

(15) — Azoy, azoy, zikh a shtikl ort koyfn, — hot er noyedik, vi tomid beys er shteyt far a nogid un er tut yenums ale verter bavundem, Moyshes entfere itst ibergehazert (N).

‘— Так, так, купить себе немного места, — повторил он навязчиво ответ Мойши, как всегда, когда стоял перед богачом и восхищался всеми его словами’.

В текстах XX в. значение интенсивного действия оказывается намного более частотным, чем хабитуальное. Впрочем, концепт интенсива нуждается в дополнительной расшифровке. Семантика интенсива, в частности мы видим это на примере идиша, может быть разделена на следующие аспекты.

1. Завершенное, исчерпывающее действие:

(16) Un ot, fun ot di bazukhn dem feter Luzis, tut bay di kinder af shtendik zayn geshtalt farblaybn, un zey fargednken im (N).

‘И вот после этих визитов к дяде Лузи у детей навсегда остается его образ, и они помнят его’.

В примере (16) добавление конструкции с *ton* выглядит плеоназмом. Перфективное значение глагольной формы подчеркивается приставкой *far-*. Лексический показатель *afshtendik* (‘навсегда’) дополнительно указывает на завершение действия. Конструкция с *ton*, скорее, стилистический прием, обнаруживающий демонстративную избыточность текста. Однако в прозе Дер Нистера можно обнаружить и другие примеры, где степень стилистической обусловленности употребления конструкции оказывает ниже.

2. Значение высокого качества выполнения действия:

(17) Hirshl, dem bukh haltdik, hot itst oysgezen, vi a soykher, vos iz aroys mit a koyne af zayn skhoyre-lager-plats un tut im bavayzn, vos er farmogt, un vos er vil im farhandlen (N).

‘Гиршл, державший книгу, теперь выглядел, как продавец, который пришел с покупателем на склад и показывает ему свой товар, который хочет ему продать’.

Данное значение можно наблюдать и в современных текстах, бытующих в ультраортодоксальной среде (хасидский диалект идиша). Следующий пример взят с сайта Kave-Shtibl из вводного замечания администратора сайта, в котором излагаются основные правила поведения для участников:

(18) Do ken yeder zayn hundert protsent ruik az keyner <...> vet nisht probirn forshn un grinteven in ayer identitet. Dos *tuen* mir aykh *garantirn* (Ksh).

‘Здесь любой может быть на сто процентов уверен, что никто не будет искать и дознаваться о вашей личности. Это мы вам гарантируем’.

В целом, в хасидских текстах указанная форма оказывается достаточно частотной. Это может быть связано как с контактным влиянием английского языка, так и отсутствием преемственности между хасидским письменным языком и языком классической литературы на идише, представители которой, как будет показано ниже, по идеологическим соображениям, старались избегать употребления конструкции *ton* + INF.

3. Усиление отрицания:

(19) Eynike vesherins vashn shoyn zeyer gret baym breg, un der ophilkh fun shvenken un pratshen iz aza nishtiker, vos *tut* afile di noent-shvimendike fish nit *shrekn* (N).

‘Некоторые прачки уже стирают свое белье у берега, и звук от полоскания и стирки столь негромок, что не пугает даже проплывающих рядом рыб’.

Глагол «делать» в отрицательной форме оказывается слабо грамматизованным, подобные примеры немногочисленны, поэтому в данном не идет речи о развитии формы в сторону универсального показателя отрицания.

4. Преодоление противоречия или препятствия действию:

(20) Vayber hobn keyn tsayt nit, ober me zamlt zikh redlekh, un aylndik un nokh halb nit gevashene, *tut* men zikh af gikh *teyln* mit nakht-nayes (N).

‘У женщин нет времени, но они собираются в группки и, еще толком не умывшись, начинают наскоро делиться вечерними новостями’.

Данное значение оказывается в целом довольно распространенным. Выражение с этим семантическим оттенком встречается также в публицистическом стиле:

(21) Dagegn, di mekhabrim umehorsim, di farreter fun yidishn g-t un zayn folk — *tut* men *baveynen*. (Dos yidishe vort, 1963).

‘Напротив, авторов и разрушителей, предателей еврейского Бога и Его народа, оплакивают’.

Этот вариант значения соответствует семантике положительного аффирматива, распространенного в германских языках.

Вся разобранный выше группа значений интенсива не фиксируется в ранних текстах на алт-идиш. Соответственно, вполне можно утверждать, что речь идет о более позднем семантическом развитии конструкции.

Итак, можно утверждать, что в идише XIX–XX вв. конструкция *ton + INF* может иметь аспектную семантику хабитуалиса, которую мы встречаем также в ранних текстах, с высокой частотностью употребления, а также разные типы интенсивного значения. В диахронической перспективе, скорее всего, из хабитуального значения выделились позже нюансы значения интенсива. Если сравнивать набор имеющихся значений с общей мозаикой германских языков, то в целом, картина выглядит весьма логичной. Хабитуалис и положительный аффирматив имеют место и в других германских языках. В связи с этим, у нас нет оснований говорить здесь о каком-либо контактном влиянии на семантику данной конструкции. Процесс формирования семантики конструкции следует описывать как внутреннее языковое развитие.

В текстах на идише XX в. употребляются исключительно формы настоящего времени. Формы перфекта были найдены только в ранних источниках XVI в. В Новое время конструкция имеет ограничения на формальном уровне и употребляется только в настоящем времени⁴. Здесь исчезновение из узуса перфекта можно объяснить более поздним возникновением и распространением формы хабитуалиса в прошедшем, то есть конструкций с сильно грамматикализованным глаголом *flegn + INF*. Помимо этого, данное выражение никогда не комбинируется с возникшими позднее аналитическими аспектуальными формами — семельфактивом, инхоативом, дуративом. Напротив, хабитуалис в прошедшем *flegn + INF* сочетается с namного большим количеством форм. Например, вполне грамматичным будет употребление конструкции хабитуалиса в прошлом с семельфактивом: *ikh fleg gebn a shrayb* ‘я обычно писал (букв. пописывал)’. Рассматриваемое выражение также не сочетается с пассивной конструкцией или с перифрастическими глагольными формами, образованными с помощью еврейско-арамейского отглагольного причастия или прилагательного и «легких глаголов» *zayn* ‘быть’ и *vern* ‘становиться’. При этом мы не можем объяснить отсутствие сочетаемости, скажем, попыткой избежать излишнего аналитизма и нагромождения глагольных конструкций, потому что идиш, в целом, не боится излишнего

⁴ В грамматике Ю. Марка (Mark 1978), отличающейся яркими нормализующими тенденциями, приводится существенно большее разнообразие форм, в которых возможно употребление конструкции, включая будущее время и императив, однако примеры из собранных мною подкорпусов и Корпуса современного идиша не подтверждают реального употребления этих конструкций.

анализа и даже повтора показателей. Данные ограничения могут свидетельствовать о падении продуктивности описываемой конструкции к моменту развития новых аспектуальных форм.

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

Частотность появления конструкции в ранних текстах на идише оказывается более или менее постоянной, в то время как в классической литературе на идише XIX в. наблюдается резкое сокращение ее частотности. Разница в цифрах оказывается впечатляющей: в романе Дер Нистера “Семья Машбер” было найдено 18 случаев употребления конструкции, тогда как в новелле Шолом-Алейхема «Тевье-молочник» только один случай, в романе Менделе Мойхер-Сфорима «Заветное кольцо» — также один. Стоит остановиться на обоих этих примерах подробнее.

(23) *Bekitser, ikh loyf mir azoy nokhn vogn un zog di shmone-esre hoykh, mit a nign, vi, lehavdl, baym omed: mekhalkel khayim bekhesed — der do tut ton shpayzn ale zayne bashefenishn <...> (Sh).*

‘Короче говоря, я бегу за своей телегой и громко нараспев произношу молитву, как, не рядом будь помянут, у кафедры: *mekhalkel khayim bekhesed* — Он кормит все Своитворения’.

(24) *Ot oyf aza shteyger hot Hershele, nebekh, vi-s'iz ibergelebt a tog, halb gegesn, halb gefast, gemakht mit di lipn, un im iz denstmol shoyn oysgekumen gut tsu film dem tam, fun vanen nemt zikh es, az “vayokheylyu” — aza poshet, bakant vort dakht zikh vi “vayokheylyu” — zol bay undz yidn gor der taytsh zayn “un zey hobn geton tun glaykh vi gegesn” (M).*

‘Вот таким образом Гершеле, бедняга, прожил, как мог, день: то ли ел, то ли постился, чмокал губами, и тогда у него получалось почувствовать вкус. Откуда пошло, что «вайохейлу», такое простое слово «вайохейлу» означает у нас евреев «и они сделали так, словно поели»’.

В обоих примерах конструкция *ton* + INF используется для перевода библиейской цитаты на идиш, при этом форма переделывается на несуществующую, очевидно плеонастическую. В обоих текстах присутствует ирония, которая усиливается за счет дублирования глагола ‘*ton*’. Объектомиронии оказывается сама грамматическая форма. Для классической литературы (в частности Менделе Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема), имевшей просветительские цели и противопоставлявшей себя наивным и народным текстам, данная конструкция оказывается стилистически маркированной как принадлежащая к языку переводов и переложений Священного писания на идиш и дидактической литературы для женщин. Поэтому ее употребление в классической литературе возможно только

как пародия на архаичный условный стиль, использовавшийся для перевода библейских цитат. Классическая литература фактически цензурирует данную форму. Авторы-модернисты, к числу которых принадлежал и Дер Нистер, напротив, вновь вводят эту конструкцию в употребление, используя ее как стилистическую краску.

Если посмотреть на употребление конструкции *ton* + INF в языке библейских переводов, то можно обнаружить определенную моду на данную форму в XIX в.: в этот период сильно увеличивается частотность ее употребления. Это легко продемонстрировать, сравнив два издания переложения Священного писания на идиш, так называемой «Цеено У-реено», вышедших в конце XVII и конце XIX вв. Очевидно, что в издание конца XIX в. большинство конструкций *ton* + INF были введены более поздним издателем. Данные конструкции обслуживают, в первую очередь, те фразы в тексте, которые являются прямым переводом Священного писания и следуют сразу за отрывком из оригинала. При этом рассмотрение данных конструкций показывает, что их возникновение в тексте не связано с переводом конкретной формы библейского иврита, то есть прямой зависимости грамматики перевода от грамматики оригинала нет. Поскольку эти конструкции не являются прямыми или опосредованными кальками с иврита, а также не имеют аспектуальных семантических нюансов, можно предположить, что они используются как стилистический прием. Так как здесь идет речь о переводах фраз из Священного писания, данные конструкции отвечают за повышение стиля повествования, за его архаизацию. Приведем пример подобного употребления:

(25) *Di neshome tut loybn got vos er hot ir geholfn* (232, trans.).
'Душа благодарит Бога, который помог ей'.

Употребление конструкции в обеих функциях, в качестве архаизма и с иронической коннотацией, сохраняется в идише до сегодняшнего дня. В хасидском идише присутствует ряд формул и выражений хорошего стиля, которые включают в себя рассматриваемую грамматическую форму. Например, один из участников форума "Kave-shtibl" пишет приветственное слово другим участникам:

(26) *lkh tu bagrisn havereynu...* (Ksh).
'Я приветствую наших друзей...'

В нехасидских кругах архаичная конструкция часто приобретает ироничную коннотацию. В личной беседе с информантами из нехасидской среды мне встретился такой пример употребления формы:

(27) *lkh tu zikh bavayzn in a por minut arum.*

Фраза была сказана спонтанно, без какого-либо стимула, и затем прокомментирована информантом как ироничная.

В заключение я хотела бы еще раз проследить предполагаемое развитие грамматической семантики и прагматической специфики употребления конструкции *ton* + INF. На ранней стадии развития языка преобладает употребление конструкции с глаголом *ton* в роли носителя грамматических показателей с пустой грамматической семантикой. Подобная конструкция существует и в немецком языке в похожем употреблении. В процессе внутренних языковых изменений форма приобретает аспектуальные семантические оттенки, а именно значение хаби-туалиса в настоящем, выделенное в грамматике С. Бирнбаума, и значение интенсива с перечисленными выше нюансами, выделенное в грамматике Ю. Марка. Развитие новых маркеров для обозначения хаби-туалиса в прошлом и дуративного/итеративного значений (*flegn* и *haltn*), вытесняет формы с *ton* и снижает частотность их употребления. Мы можем датировать не позднее, чем XIX в. произошедшие изменения в прагматическом статусе конструкции: она начинает восприниматься как архаизм, принадлежащий высокому стилю и, с другой стороны, как маркер претенциозного и неуклюже архаичного стиля литературы для женщин, соответственно формируется ироничный контекст употребления формы. На сегодняшний день мы наблюдаем существенное сокращение частотности конструкции и ее употребление как формы с аспектуальной семантикой, так и формульное употребление в качестве архаизма или с ироничным оттенком.

Использованные сокращения:

- INF — инфинитив,
- INDF — неопределенный артикль,
- STEM — основа,
- нем. — немецкий язык,
- ндл. — нидерландский язык,
- разг. — разговорный.

BIBLIOGRAPHY

Reznikova, T. I. (2003) *Grammatikalizatsiakonstruktsij s glagolom "delat" (tipologia I semantika)*. [Grammaticalization of the verb "to" (typology and semantics)]. Moscow (not published). In Russian

Mark, Y. (1978) *Grammatik fun der yidisherklal-shprakh*. Nyu-York: Alveltlekheryidisherkulturkongres.

Cornips, L. (1998) Habitual *doen* in Herlen Dutch, Tieken Boon-van Ostade, Ingrid et al. (eds.). *DO in English, Dutch and German: history and present-day variation*. Münster: Nodus, 83–102.

Kortmann, B. (2004) *Dialectology meets typology: dialect grammar from a cross-linguistic perspective*. Berlin: Walter de Gruyter.

Frakes, J. C. (2008) *Early Yiddish texts 1100–1750 with introduction and commentary*. Oxford: Oxford University Press.

Birnbaum, S. A. (1979) *Yiddish: a survey and a grammar*. Toronto: University of Toronto Press.

Trudgill, P., Chambers J. K. (1991) Aspect in English dialects, Trudgill P., Chambers J. K. (eds.). *Dialects of English: studies in grammatical variation*. London: Longman. 145–147.